

Мадам Чжао ввела в дом мадам Ли и госпожу Чжоу, и они увидели вяленое мясо, висевшее над плитой.

«Третья невестка, все в деревне говорят, что Саньлан никогда не покидает горы с пустыми руками. Раньше я не верила, а теперь верю». — саркастически сказала мадам Ли.

Здесь было не менее дюжины кусков. Неудивительно, что эта семья набрала вес. Как они могли не набрать вес, если часто ели мясо?

Госпожа Чжоу тоже была потрясена. Она не сказала ничего саркастического, как мадам Ли, но она также завидовала мадам Чжао.

В то время как мадам Ван ругала и пыталась их, мадам Чжао жила комфортной жизнью. Первоначально это должна была быть мадам Чжао, над которой издевались и били. Одна только мысль об этом заставляла госпожу Чжоу чувствовать себя неловко.

Мадам Чжао спокойно сказала: «Старшая невестка, вторая невестка, наша семья больше не имеет ничего общего с семьей Су. Почему ты сейчас здесь?»

Мадам Чжао чувствовала, что мадам Ли и мадам Чжоу замышляют нехорошее. Она всегда была слабой, но теперь, когда она знала, какой может быть жизнь, она больше не хотела возвращаться. Теперь у нее хватило смелости постоять за себя.

Даже если не ради себя, она должна была сделать это ради детей, не так ли?

Мадам Ли и мадам Чжоу не ожидали, что мадам Чжао изменилась не только внешне, но и ее мужество возросло.

Они посмотрели друг на друга. Затем мадам Ли сказала с улыбкой: «Третья невестка, в конце концов, мы все еще семья. Раньше они заставили вас всех уйти и успокоиться еще и потому, что Третий Брат сначала разозлил Отца и Мать».

Мадам Чжоу добавила: «Правильно. Прошло уже несколько месяцев, и отец с матерью уже успокоились. Поскольку вы все еще часть семьи Су, мы не можем видеть, как ваша семья бродит снаружи. Скажи Третьему Брату, чтобы завтра пошел домой и извинился перед отцом и матерью. Тогда ваша семья тоже сможет вернуться домой».

Когда мадам Чжоу сказала это, ей захотелось протянуть руку и обнять Су Сяолу. Прежде чем ее рука смогла коснуться Су Сяолу, Су Сяолу разразилась громкими рыданиями.

«Вау-вау-вау»,

Су Сяолу, которой было почти три месяца, обладала крепким телом и была в лучшей форме, чем обычные младенцы. Когда она плакала, это было похоже на грозу. Это было сочно, яростно и громко. Мадам Ли и мадам Чжоу тут же заткнули уши.

Этот шум был действительно невыносим, но госпожа Чжао так не считала. Ее сердце сжалось, когда она обняла Су Сяолу и умоляла: «Симей, будь хорошей, не плачь».

Су Сяолу вскоре перестала плакать.

У мадам Чжоу больше не было желания обнимать ее. Ее крики вызывали у нее желание забить ее до смерти.

Мадам Ли наткнула уши и сказала: «Третья невестка, ты можешь поговорить об этом с Третьим братом, когда он вернется. Несмотря ни на что, мы семья. Даже если наши кости сломаны, наши сухожилия все еще соединены. Отец попросил меня и вторую невестку передать вам сообщение. Вы, ребята, должны просто сдаться и оставить все как есть. Поскольку сообщение было доставлено, мы вернемся первыми.

Она сказала то, что ей нужно было сказать. Она была не тем, кто должен волноваться.

Мадам Ли хотела уйти..

Уши мадам Чжоу были не в порядке из-за того, что Су Сяолу только что плакала. Она сказала: «Третья невестка, я буду ждать, когда ты вернешься домой».

Сказав это, мадам Ли и мадам Чжоу вышли через дверь.

Глядя на Су Санмей, сидящую на корточках у двери, мадам Ли улыбнулась. — Санмей, я скучаю по тебе. Быстрее иди домой».

Когда госпожа Чжоу увидела новую хлопчатобумажную одежду, которую носила Су Санмэй, ее глаза загорелись. Она сказала Су Санмей: «Санмей, я тоже скучаю по тебе и Симею. Когда мы вернемся домой, я попрошу Юфан помочь тебе позаботиться о Симеи.

Сказав это, госпожа Чжоу отвела Су Юфан.

Перед уходом Су Юфан оглянулась на новую одежду Су Санмэй.

Су Санмей не могла не стереть слезы.

Мадам Чжао стояла у двери. Когда она увидела эту сцену, у нее сжалось сердце. Она тихо

сказала: «Санмей, входи».

Су Санмей последовала за ней в дом. В тот момент, когда она вошла, она заплакала и спросила: «Мама, Юфан сказала, что мы возвращаемся в тот дом. Она даже сказала, что если мы вернемся, я должна позволить ей надеть мою новую одежду. Это правда?»

Прежде чем госпожа Чжао успела ответить, Су Саньмей сдавленно сказала: «Мама, я не хочу возвращаться... Когда я вернусь, мне будет очень голодно и холодно. Бабушка даже била меня. Бабушка тоже не любит Симей. Мама, мы можем не вернуться? Разве мы сейчас не в порядке?»

Су Санмей была очень благоразумна, но не. Она не понимала, почему были в затруднительном положении, и почему госпожа Чжао не сказала «нет».

Мадам Чжао посмотрела на Су Санмэй и тоже заплакала. Она обняла Су Санмей и тихо заплакала.

Она не знала, как сказать Су Санмэй, что она не имеет права принимать решения, что женщины могут полагаться в своей жизни только на мужчин.

Су Сяолу чувствовала себя неловко в объятиях мадам Чжао, но ей было жаль больше всего на свете.

Ей действительно не нравилась мысль о том, что ее семья вернется, но она была еще ребенком, и решение все еще оставалось за ее отцом, Су Саньланом.

Мадам Чжао некоторое время плакала. Ей еще предстояло сделать то, что она должна была сделать.

Су Санмей не получил ответа и больше не спрашивал. Она просто держала Су Сяолу и больше не могла радоваться.

Су Сяолу тоже не могла улыбаться.

Если бы они вернулись, у нее тоже не было бы хорошей жизни.

Уже почти стемнело, когда Су Саньлан вернулся со своими двумя сыновьями. Они ушли далеко. Они проверяли ловушки, когда уходили, и снова проверяли, когда возвращались. Каждый день что-то находили.

Сегодня он нес двух фазанов, один еще живой, а у другого сломана лапа. Как только он подошел к дому, Су Саньлан сказал: «Дорогая, вскипяти воды. Нелегко вырастить эту курицу

со сломанной ногой. Я убью её позже, и мы её съедем».

"Хорошо."

Мадам Чжао ответила изнутри дома гнусавым голосом.

Су Саньлан подумал, что мадам Чжао простудилась, и, прежде чем войти в дом, немедленно посадил фазанов в клетку.

Су Чун и Су Хуа отправились на поиски Су Санмей. Су Санмей была недовольна. Хотя они не знали, почему, они могли сказать с первого взгляда.

— Сестра, что случилось?— осторожно спросил Су Чун.

Су Хуа даже достал из поясной сумки пакет с дикими персиками и передал его Су Санмэй.
«Сестра, ешь. Это так мило. Я даже вымыл их дочиста».

Когда они уходили в горы со своим отцом, им всегда попадались дикие плоды. Каждый раз они приносили их домой, чтобы поделиться с Су Санмей.

Су Санмей посмотрела на своих братьев, и из ее глаз потекли слезы.

«Большой брат, второй брат... Бу-у-у...»

Су Санмей заплакала. Она смотрела на своих двух невинных братьев и не знала, как сказать им, что их семья все еще должна вернуться в тот дом, чтобы голодать и подвергаться издевательствам.

Су Чун и Су Хуа были в растерянности, когда увидели, что Су Санмей плачет. Они не знали, что делать, но Су Чун быстро закричал: «Отец, сестра плачет. Сестра плачет».

Су Саньлан только что вошел в дом, и прежде чем он успел поговорить с госпожой Чжао, он услышал крик своего сына. Он уже собирался подойти и посмотреть, когда госпожа Чжао, стоявшая у плиты, подняла глаза и позвала его: «Саньлан, сегодня пришли старшая невестка и вторая невестка».

В свете костра глаза госпожи Чжао тоже блестели от слез. Ее глаза были красными и опухшими. Ее заплаканные глаза, казалось, говорили Су Саньлану о ее обидах.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://tl.rulate.ru/book/77294/2591159>